нием двух томах, редактором которых он был, содержатся материалы о драматических событиях в психологии, педологии, биологии и других науках в период с 1930-х по 1960-е гг.

В выступлении студента факультета психологии МГУ *А. Ромацука* прозвучал призыв к более активному использованию в историко-психологических исследованиях трудов по методологии науки Б. М. Кедрова, Э. В. Ильенкова и других отечественных ученых.

Участниками круглого стола были высказаны пожелания периодически возвращаться к обсуждению методологических проблем истории психологии и сформулированы конкретные предложения по плану работы секции истории психологии, недавно созданной в структуре Российского психологического общества РАН. В Интернете открыт сайт, посвященный истории психологии. Его адрес: <http://people.tochka.ru/Psychology>.

А. Н. Ждан

Конференция «Три юбилея. А. И. Герцен, Г. А. Гуковский, Л. Я. Гинзбург»

4–5 апреля 2002 г. в Доме-музее А. И. Герцена на Сивцевом Вражке прошла конференция «Три юбилея. А. И. Герцен, Г. А. Гуковский, Л. Я. Гинзбург». Она была организована журналом «Новое литературное обозрение», который входит в издательский дом под тем же названием и который уже на протяжении почти десяти лет вносит немалый вклад в гуманитарное возрождение России¹.

Три имени в названии конференции объединило не только совпадение дат юбилеев их обладателей. Трое мыслителей — А. И. Герцен, который в представлении не нуждается, историк литературы Г. А. Гуковский и литературовед и мемуаристка Лидия Гинзбург — были, хотя и по-разному и в разной степени, инакомыслящими. Герцен защищал свободу мысли и слова из эмиграции, Гуковский и Гинзбург отстаивали возможность свободно мыслить своей непрекращающейся интел-

лектуальной работой в Советском Союзе (последнее, возможно, и стало причиной ареста Гуковского и его гибели в тюрьме в 1949 г.)². Поэтому неудивительно, что конференция началась с обсуждения вопроса о либерализме. С докладом «Были ли Герцен либералом?» выступила *Айлин Келли* (King's College, Cambridge). И тема либерализма, и работы Герцена ей как ученице Исайи Берлина знакомы еще «с пеленок». В докладе она возражала тем, кто пытается представить эволюцию взглядов Герцена после 1848 г. как движение от западничества к одному из вариантов народничества — крестьянскому утопизму. Келли считает, что Герцен до конца оставался либералом в самом широком понимании этого слова, т. е. избегал присоединения к какой бы то ни было доктрине. Герцен отрицал «идею “единственного правильного пути”», куда бы тот ни вел — в славянофильскую утопию или рай свободного рынка», и эти его мысли, отмечает докладчица, своевременны и для сегодняшней России.

Тему либерализма продолжил *Михаил Габович* (Школа высших исследований по общественным наукам, Париж) в докладе «Дети рождают отцов: о генеалогиях либеральных идеологий». Он отказался от того, чтобы считать либерализм единым явлением или непрерывной традицией, и попытался рассмотреть различные формы преемственности в следовании либеральным идеям. Он указал на то,

¹ Журнал, который публикует статьи по истории и литературоведению, может быть интересным для читателей ВИЕТ своими подборками по истории и социологии науки. См., например, тематическую подборку «"Переполюх в Академии": история и социология академических элит» в № 53 (2002), в которую вошли отрывки из книги Ф. Рингера «Закат китайских мандаринов», статьи Д. А. Александрова, В. М. Алпатова, М. Робинсона, А. Дмитриева и Д. Устинова. Полную библиографию № 1–50 можно найти в № 50 «НЛО», а с отдельными материалами журнала и информацией о книжных новинках издательства познакомиться на его сайте www.nlo.magazine.ru

² О Гуковском и Гинзбург см. публикации в № 49 и 50 «Нового литературного обозрения».

что передача идей может происходить от отца к сыну или от учителя к ученику, но иногда ответственность за создание интеллектуальной традиции ложится на сына, ученика, представителя младшего поколения. Этот вариант может реализоваться при «переоткрытии» забытого или «реинтерпретации» известного классика. Отвечая на вопросы аудитории, автор, к сожалению, не уточнил, иллюстрацией какого типа связи служит настоящая конференция — иными словами, занимаются ли ее участники конструированием линии, ведущей от Герцена к советским и постсоветским либералам.

Кирилл Ратников (Челябинский государственный университет) предложил вниманию аудитории тему «Герцен и Шевырев: проблема интерпретации свободы личности». Если на миг отказаться видеть в Шевыреве только «антилиберала», то, как считает докладчик, его полемика с Герценом заиграет новыми красками. Шевырев, по мнению Ратникова, критиковал «этический индивидуализм» Герцена, сам решая противоречие между личностью и обществом в христианско-этическом духе. Роль «образованного сословия», одним из самых замечательных представителей которого Шевырев считал Герцена, он видел в примирении, «синтезе» славянофильства и западничества.

Ирина Сироткина (ИИЕТ РАН, Москва) рассказала об истории еще одной полемики — между Герценом-отцом и Герценом-сыном. Став физиологом, сын Герцена Александр начал спорить с отцом о детерминизме и свободе воли. В своем ответе сыну Герцен вдохновлялся знаменитой полемикой XVI в. между Эразмом Роттердамским и Лютером. Пытаясь убедить его в «феноменологической реальности» свободы выбора, он обращался к авторитету наук о человеке. Но его ждало разочарование: ни одна из современных ему дисциплин — социология, история, психология — под влиянием позитивизма не решалась сделать «реальность свободы» своим предметом изучения.

Далее ход конференции следовал хронологии: дневное заседание было посвящено последникам и интерпретаторам Герцена. *Елена Нарская* (Дом-музей А. И. Герцена) сделала основанное на новых архивных находках сообщение об ор-

ганизациях русских эмигрантов, деятельность которых была связана с именем и семьей Герцена. *Виктор Живов* (Москва—Беркли) проанализировал интерпретацию Герцена российским философом Г. Г. Шпетом, присоединив таким образом к троице героев конференции еще одного «инакомыслящего». Задача Шпета состояла в том, чтобы дистанцировать Герцена-мыслителя от той революционной традиции, частью которой его сделал Ленин. Примечательно, что этот доклад совпал по времени с выступлением В. П. Зинченко в стенах ИИЕТ РАН на тему «Возвращение Г. Г. Шпета».

Александр Дмитриев (СПбФ ИИЕТ РАН, Санкт-Петербург) сделал информативное сообщение о А. Н. Шебунине, историке и «честном марксисте», авторе неопубликованной работы «Борьба утопических и научных элементов в социально-политическом мировоззрении Герцена» (1910). В отличие от историко-филологической интерпретации Шпета, работа Шебунина была написана с позиций марксистской социологии и объясняла «непоследовательность» Герцена его принадлежностью к наиболее радикальным кругам дворянства. Дневное заседание завершил петербуржец Илья Калинин, сопоставивший Герцена и Набокова — и как либералов, и как замечательных авторов мемуарного жанра. Его интересное сравнение «С того берега» и «Былого и дум» Герцена с «Другими берегами» Набокова неожиданно и к неудовольствию значительной части аудитории закончилось психоанализом самих авторов.

Второй день конференции был не менее насыщенным. Его утреннее заседание было посвящено Гуковскому и Гинзбург, с докладами выступили историки литературы и литературоведения *Б. Ф. Егоров* (Санкт-Петербург), *Денис Устинов* и *Андрей Зорин* (Москва). Первый выступающий привел характеристику Гуковского, данную его близким другом Лидией Гинзбург, как «безукоризненно честного карьериста». Сам Б. Ф. Егоров описывает научную карьеру Гуковского как маневрирование, игру с официальным марксизмом в попытках отстоять возможность интеллектуальной работы. Денис Устинов продолжил эту тему в докладе «Свобода мысли в несвободном обществе» — своего

рода параллельной биографии Гуковского и Гинзбург. Об отношениях двух коллег и друзей, деливших не только науку, но и ленинградскую коммуналку, говорил и Андрей Зорин. Непосредственной темой его доклада была, однако, книга Гуковского «Очерки по истории русской литературы XVIII века», в концепции которой докладчик увидел параллели с романом Александра Дюма «Двадцать лет спустя». За этим выступлением последовала оживленная дискуссия, вызванная, в частности, подозрением аудитории (которое в наиболее ясной форме высказала Татьяна Венедиктова из МГУ), что докладчик использует один и тот же мелодраматический сюжет из романа Дюма и для интерпретации отношений Гуковского и Гинзбург, и для характеристики литературоведческого труда Гуковского, и для описания своей собственной жизненной позиции.

Дневное заседание было отдано выступлениям трех москвичей. Идя по стопам исследователя литературы XVIII в. Гуковского, старейшина отечественной

филологии Михаил Гаспаров проанализировал становление жанра оды в поэзии Ломоносова и Сумарокова. *Олег Лекманов* вернул слушателей в 1937 г., который, кроме всего прочего, был примечателен размежеванием бывших единомышленников — формалистов Тынянова, Шкловского и Эйхенбаума. Докладчик проследил по публикациям в «Литературной газете», как менялся их образ в официальной прессе. Наконец, *Илья Кукулин* сделал смелую попытку сблизить Герцена и Лидию Гинзбург как «революционеров жанров». По мнению докладчика, они оба благодаря тому, что писали беллетристику и мемуарную литературу, существенно изменили тот жанр «pop-fiction» (литературоведение и публицистика), в котором в основном работали. Так, в соответствии с замыслом организаторов конференции Марии Майофис и Ирины Прохоровой, последний доклад вернул нас к Герцену и тем самым замкнул круг конференции.

И. Е. Сироткина

Ученые в сталинских списках

В марте 2002 г. международное общество «Мемориал» и Архив Президента РФ выпустили электронный диск «Сталинские расстрельные списки»¹. Это списки лиц, судьбу которых предreshали члены Политбюро ЦК ВКП(б) — И. В. Сталин, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов, А. И. Микоян, С. В. Косиор и кандидаты в члены Политбюро А. А. Жданов и Н. И. Ежов. Эти 383 списка, составившие 11 томов, были обнаружены в 1954 г. и переданы из МВД в Президиум ЦК КПСС, а оттуда перешли «по наследству» в Архив Президента РФ (Ф. 3. Оп. 24. Д. 409–419). Списки охватывают период с 27 февраля 1937 г. до 29 сентября 1938 г., также имеются два фрагмента списка октября 1936 г. До декабря 1998 г. эти списки носили гриф «секретно». Ныне, благодаря усилиям «Мемориала» и сотрудников Архива Президента РФ, к этим спискам наконец получили доступ историки.

Списки готовились в недрах НКВД и поступали на согласование Сталину. Со-

¹ Сталинские расстрельные списки. М.: Звенья, 2002. ISBN 5-7870-0057-9.

проводительные записки писали наркомы внутренних дел Ежов, а затем Берия. Сталин писал «за» и расписывался, как правило, красным карандашом, после него разноцветными карандашами расписывались еще 3–4 члена Политбюро. В отсутствие Сталина 3 января 1938 г. право первой подписи «за» перешло к Жданову (в этот день были подписаны списки на 2,5 тыс. человек по «первой категории»). Сталин и Молотов подписали почти все списки, соответственно 357 и 372. Жданов, Каганович и Ворошилов — около половины. Микоян, Косиор, Ежов — лишь несколько списков. Часть списков, особенно за период 1939–1941 гг., пока не обнаружена.

В эти 383 списка попало 44 тыс. человек и на 39 тыс. из них Сталиным, Молотовым и др. была дана санкция осуждения по «первой категории», в том числе на 1 тыс. иностранных граждан. «Первая категория» означала, что члены Политбюро не возражают против расстрела этих людей.

Далее дела рассматривала Военная коллегия Верховного суда СССР под